

Верховский.

А-но М-во во Вильно
и Ковно.

(Восточная Европа
1888, сентябрь).

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ

ВЪ

ВИЛЬНѢ И КОВНѢ

1815 — 1824.

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ БІОГРАФІИ ПОЭТА.

Природа надѣляетъ своихъ любимцевъ поэтическимъ талантомъ, а любовь—второй изъ великихъ ея даровъ—оплодотворяетъ это дарованіе, побуждаетъ его обнаружиться въ поэтическихъ произведеніяхъ и превращаетъ въ истиннаго поэта. Этотъ фактъ, подтверждаемый біографіями многихъ поэтическихъ гениевъ, справедливъ и по отношенію къ Мицкевичу, одному изъ великихъ пѣвцовъ вообще славянскаго и въ частности польскаго Парнаса.

Подъ первыми ощущеніями любви къ красивой женщинѣ пишетъ онъ лучшія изъ своихъ балладъ; чувства симпатіи и уваженія къ другой не остались безъ вліянія на начертанный имъ типъ или точнѣе портретъ мнимо-исторической женщины—героини поэмы „Гражина“; отвергнутая Марією Верещака любовь поэта заставляетъ его описать исторію своихъ любовныхъ страданій въ поэмѣ „Дзяды“ (Предки), которая признается лучшею въ польской литературѣ поэмою любви, исполненною картинности, силы, горячаго чувства и истинной поэзіи.

Мицкевичъ изобразилъ себя въ этой поэмѣ сумасшедшимъ и самоубійцею, который, въ наказаніе за то, что наложилъ руку на самого себя, принужденъ ежегодно въ день праздника въ

память усопшихъ (2-го ноября) являться привидѣніемъ на этотъ свѣтъ и, блуждая по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда встрѣчался съ любимою женщиной, вновь испытывать всѣ тѣ сердечныя страданія и тревоги, которыя испыталъ онъ на этомъ свѣтѣ, а также оплакивать свою прежнюю жизнь, въ которой на долю его выпали лишь несчастная любовь, равнодушіе и презрѣніе близкихъ ему людей.

Когда поэтъ писалъ это произведеніе, онъ былъ еще неизвѣстенъ. „Дзяды“ (изданные въ 1823 году, почти одновременно съ балладами и „Гражиною“) доставили ему громкое имя и большую популярность, которыя съ послѣдующими произведеніями росли все больше и больше, такъ что уже никто не посмѣлъ оспаривать у него чести быть первымъ поэтомъ своего народа. И теперь, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій со дня смерти Мицкевича, еслибы онъ, согласно сказанному поэтическому представленію, всталъ изъ своей могилы и явился выходцемъ съ того свѣта, онъ, безъ сомнѣнія, не повторилъ бы своихъ нареканій и не жаловался на равнодушіе къ нему и забвеніе со стороны не только своихъ соотечественниковъ, но даже и чужихъ. Творенія его и теперь популярнѣе произведеній другихъ польскихъ писателей, они цѣнятся болѣе чѣмъ когда-либо прежде, потому что читаются безъ всякихъ заднихъ мыслей и патріотическихъ увлеченій; каждый болѣе восхищается ихъ эстетическими достоинствами, нежели современною подкладкою и политическими намеками или тенденціями; всѣ почти изъ нихъ переведены или вновь переводятся на иностранные языки; о каждомъ изъ нихъ имѣемъ два-три и больше специальныхъ изслѣдованій; недавно появилась въ печати подробная біографія поэта ¹⁾; два года тому назадъ основано во Львовѣ „Литературное общество имени Адама Мицкевича“, которое поставило себѣ цѣлью содѣйствовать изученію произведеній поэта и собиранію матеріаловъ, относящихся до него; изданный имъ доселѣ одинъ томъ „Записокъ“ ²⁾ позволяетъ ожидать, что дѣятельность членовъ общества въ указанномъ направленіи не будетъ бесполезна. Всѣ эти факты доказываютъ, что личность поэта въ глазахъ потомства не потеряла ничего изъ своего ореола; напротивъ даже, съ теченіемъ времени слава и популярность его возростають, а поклонники его таланта съ благоговѣніемъ собирають мельчайшія данныя, разясняющія

¹⁾ Adam Mickiewicz, zarys biograficzno-literacki skreslił Piotr Chmielowski. Kraków i Warszawa, 1886, 2 тома.

²⁾ Pamiętnik towarzystwa literackiego imienia Adama Mickiewicza, Lwów, 1887.

тотъ или другой эпизодъ его жизни и способствующія лучшему пониманію его произведеній.

Руководясь этими чувствами и соображеніями, предлагаю читателямъ нижеслѣдующія страницы. Онѣ посвящены одному только періоду жизни поэта, но періоду самому важному и интересному: годамъ университетской жизни въ Вильнѣ и учительскихъ занятій въ Ковнѣ, до времени извѣстнаго слѣдствія о тайныхъ обществахъ среди виленской молодежи, послѣдовавшаго въ концѣ 1823 года. Пользуясь отчасти официальными документами, отчасти же автографами самого поэта, до сихъ поръ неизвѣстными, сообщаю ниже много новыхъ фактовъ и данныхъ изъ его жизни. Прибавлю лишь, что я не имѣю намѣренія представлять въ этомъ очеркѣ полной картины умственнаго и психологическаго развитія Мицкевича и его поэтическаго дарованія въ эту эпоху (1815—1824), а единственно выставляю на первый планъ сообщаемыя мною новыя свѣденія и подробности, и только привожу ихъ въ связь съ извѣстными намъ уже до сихъ поръ ¹⁾. Быть можетъ, изложеніе мое покажется читателямъ нѣсколько сухимъ, вслѣдствіе того, что я передаю дословно большіе иногда отрывки изъ документовъ; тѣмъ не менѣе полагаю, что оно успѣетъ заинтересовать ихъ и привлечь къ себѣ благосклонное вниманіе: никто до сихъ поръ не писалъ еще біографію Мицкевича на основаніи официальныхъ источниковъ и бумагъ.

„Адамъ Мицкевичъ по прибытіи своемъ въ Вильну (въ сентябрѣ) 1815 года вступилъ въ учительскую при университетѣ семинарію; въ продолженіи перваго года кромѣ курсовъ физико-математическаго отдѣленія, какъ-то: алгебры, химіи и физики, изъ которыхъ держалъ экзамены и получилъ степень кандидата, слушалъ также курсы греческой и римской словесности, всеобщей исторіи, риторики и поэзіи. Впослѣдствіи, черезъ три года, обучался въ литературномъ отдѣленіи онимъ же предметамъ, а также россійской словесности, логики, языкамъ: французскому, нѣмецкому и англійскому“ ²⁾. Кромѣ этихъ самыхъ достовѣрныхъ

¹⁾ Эти подробности не безизвѣстны и русской читающей публикѣ; передавали ихъ: Ф. Неслуховскій, „Адамъ Мицкевичъ въ Россіи“ („Историческій Вѣстникъ“, 1883, томъ I, стр. 713); Н. С. Кутейниковъ, „Мицкевичъ и виленскіе филареты“ (тамъ же, 1884, томъ XVIII, стр. 754), и отчасти С. Шолковичъ въ своемъ памфлетѣ: „Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго края“ („Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи“. Вильна, 1885, выпускъ I, стр. 233).

²⁾ Подлинный рапортъ ректора Твардовскаго къ попечителю виленскаго учебнаго округа, Новосильцову, отъ 19-го октября 1824 г.

свѣденій о ходѣ и объемѣ научныхъ занятій Мицкевича въ университетѣ, мы не имѣемъ о немъ за первые два года его пребыванія въ Вильнѣ никакихъ положительныхъ данныхъ, и причиною недостатка ихъ, по моему мнѣнію, не что иное, какъ отсутствие чего-либо замѣчательнаго въ тогдашней жизни юнаго студента. Нельзя, однако, думать, чтобы эти два года были потеряны для его будущности: въ теченіе ихъ Мицкевичъ обогатилъ свой умъ разными познаніями, самосознаніе его получило развитіе, мысль его начала уже самостоятельно работать, онъ сталъ анализировать отношенія и явленія окружающей его среды и давалъ себѣ въ нихъ отчетъ. Лучшимъ доказательствомъ тому полученіе Мицкевичемъ въ 1817 году степени кандидата на литературномъ отдѣленіи и два слѣдующіе года его университетской жизни.

Со смертью дяди, Іосифа Мицкевича (священника, декана физико-математическаго факультета), скончавшагося 5-го іюля 1817 года, нашъ поэтъ вполне освободился отъ всѣхъ узъ частной опеки, видимо стѣснявшей свободу его движеній и полета мысли. Къ началу новаго академическаго года онъ вошелъ въ болѣе близкія сношенія съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, въ особенности же съ Ѳомою Заномъ и Іосифомъ Ежовскимъ. Встрѣчи и сходы ихъ происходили теперь чаще; темою разговоровъ и диспутовъ друзей на этихъ сходкахъ были, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вопросы, ко всѣмъ соприкасающіеся и всѣхъ ихъ интересующіе больше всего: предметы, которые они изучали въ университетѣ, и профессора, которые ихъ преподавали. Бесѣдуя объ этомъ и вникая во все прилежнѣе, пришли они къ тому заключенію, что „состояніе публичныхъ училищныхъ заведеній весьма отдалено отъ той степени совершенства, на которой они должны бы были находиться, смотря на щедрыя пособія отъ правительства; большая часть лекцій, преподаваемыхъ въ университетѣ, казалась имъ несоотвѣтствующею своей цѣли; не было въ нихъ надлежащаго метода, не было плана; положеніе учащихся казалось достойнымъ сожалѣнія; юношество теряло невозвратно драгоценнѣйшее время, а приготавлиющіеся къ учительскому званію вступали въ оное безъ надлежащихъ познаній“¹⁾. Такъ какъ всѣ они должны были посвятить себя учительской и профессорской дѣятельности (какъ члены учительской семинаріи и стипендіаты), которая, по ихъ мнѣнію, была самою возвышен-

¹⁾ Показаніе Франциска Малевскаго въ слѣдственной комиссіи, въ переводѣ Новосильцова въ рапортѣ его в. кн. Константину Павловичу, отъ 13-го мая 1824 г., за № 839.

ною и чуть ли не священнодѣйствіемъ, то естественно, что подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ соображеній возникло въ нихъ стремленіе къ взаимному усовершенствованію самихъ себя, расширенію круга своихъ познаній и приобрѣтенію всего того, чего, на ихъ взглядъ, не могла имъ дать современная школа и система образованія. Они предположили достигъ этой цѣли составленіемъ самостоятельныхъ письменныхъ произведеній въ прозѣ и въ стихахъ. Труды свои они на сходкахъ сначала перечитывали другъ другу, обсуждали ихъ, исправляли, и только тогда отдавали на окончательное обсужденіе и судъ профессоровъ. Это именно обстоятельство вызвало въ ихъ умахъ мысль объ основаніи, сообща съ другими товарищами, особаго общества любителей наукъ или общества филоматовъ.

Собіраніе кружковъ этого рода не было чисто мѣстнымъ явленіемъ. Студенческія общества уже нѣсколько лѣтъ существовали и постоянно образовывались въ Германіи ¹⁾; нѣчто въ этомъ же родѣ было и въ Россіи ²⁾; во всѣхъ значительныхъ городахъ имперіи и царства польскаго масоны имѣли свои ложи; въ самой Вильнѣ, кромѣ ложи масоновъ, существовало „общество голышей“ (шубравцевъ); поэтому неудивительно, что и университетская молодежь возымѣла идею образовать свой особый, тѣсно замкнутый кружокъ. Хотя, на основаніи сказаннаго, можно бы допустить, что это стремленіе среди литовско-польской молодежи появилось самостоятельно, независимо отъ посторонняго и непосредственнаго вліянія извнѣ, тѣмъ не менѣе я думаю, что на самомъ дѣлѣ этого не было и что инициативу образованію студенческихъ обществъ въ Вильнѣ дали люди старшіе и постронніе. Въ организаціи общества „филоматовъ“ и двухъ другихъ, впослѣдствіи образовавшихся, именно: „лучезарныхъ“ и „филаретовъ“, замѣчаемъ столько трезваго и тонкаго ума, столько ловкости и опытности, что не можемъ допустить, чтобы Занъ (какъ вообще принято), хотя и весьма образованный и вполне умственно развитой юноша, могъ быть инициаторомъ, организаторомъ и руководителемъ всѣхъ эгихъ обществъ. По моему мнѣнію,

¹⁾ Русскій посланникъ во Франкфуртѣ, тайный совѣтникъ баронъ Анштеть, въ депешѣ отъ 19-го января 1824 г. доносить гр. Нессельроде, министру иностранныхъ дѣлъ, объ открытіи въ Германіи тайнаго общества, которое имѣло цѣлью воссоединеніе Германіи и введеніе парламентарнаго правленія; оно не имѣло ни устава, ни кассы; члены его, поддерживая и возбуждая въ населеніи неудовольствіе, хотѣли вызвать волненіе и революцію.

²⁾ Напр., литературное общество въ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ въ бытность въ немъ Жуковскаго, или въ царскосельскомъ лицейѣ въ бытность Пушкина. Я. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, стр. 6.

Занъ получалъ на этотъ счетъ указанія отъ Казимира Контрыма, университетскаго бібліотекаря, у котораго онъ жилъ на квартирѣ въ качествѣ репетитора его дѣтей, а Контрымъ, въ свою очередь, дѣйствовалъ въ духѣ варшавскихъ конспираторовъ и масоновъ, съ которыми былъ въ сношеніяхъ. Цѣль, которую молодежь непосредственно имѣла въ виду при основаніи названныхъ обществъ, было самообразование и распространеніе знанія отечественнаго языка; понятно, что члены обществъ, преслѣдуя эту цѣль, даже по необходимости должны были въ своихъ рѣчахъ и письменныхъ работахъ затрогивать неоднократно патріотическую струнку, дѣлать намеки на политическія отношенія текущаго времени, высказывать свои надежды на будущее; однако эти порывы молодыхъ сердець, эти намеки и надежды, какъ, съ одной стороны, не могли быть предосудительны въ 1815—1820 годахъ, такъ—съ другой—не могутъ служить доказательствомъ тому, что общества имѣли политическій характеръ или преслѣдовали политическія цѣли. Если мы сообразимъ, что члены обществъ упражнялись въ краснорѣчьи, что общества имѣли довольно сложную и сильную организацію, что они были тайны, то изъ этого не можемъ не вывести заключенія, что для первыхъ инициаторовъ этихъ обществъ не было важно проводить среди молодежи политическія тенденціи, ибо молодежь эта умственно и физически была еще не вполне зрѣлая, но что они имѣли въ виду лишь подготовленіе почвы для будущаго; этимъ путемъ они хотѣли приучить молодежь къ навыку въ изложеніи своихъ мыслей и взглядовъ, къ соблюденію и сохраненію тайны общества, къ вѣрному служенію втайнѣ идеямъ обществъ, членами которыхъ молодежь могла быть въ будущемъ; къ этому она должна привыкать и учиться, не сознавая, впрочемъ, того и не зная, на чтò это можетъ ей пригодиться. Другими словами, образовать будущихъ заговорщиковъ—это была цѣль людей, давшихъ первую инициативу названному движенію среди литовско-польской молодежи, и въ этомъ состоитъ вся сущность этого движенія среди нея съ 1815 по 1822 годъ. Этого смысла и значенія его не угадалъ самъ Новосильцовъ, который, принимая второстепенное за главное, предполагалъ, что литовско-польская молодежь *уже въ это время* непосредственно стремилась къ осуществленію политической цѣли, то-есть къ возстановленію Польши въ древнихъ предѣлахъ ея. Не вдаваясь теперь въ подробности и откладывая до будущаго времени болѣе обстоятельный разборъ этого вопроса, возвращаюсь къ интересующему насъ теперь обществу филоматовъ и участію въ немъ нашего поэта.

Мицкевичъ увѣряетъ, что мысль образованія общества филоматовъ впервые пришла въ голову ему и Зану; второстепенныя обстоятельства, непосредственно вызвавшія ее, неизвѣстны мнѣ; думаю однако, что если Мицкевичъ первый громко высказалъ эту мысль, то Занъ навелъ его на нее. Общество было основано въ концѣ 1817 г. или въ самомъ началѣ 1818 года ¹⁾. Первоначально, кромѣ Мицкевича и Зана, составляли его: Иосифъ Ежовскій, Францискъ Малевскій, Янъ Чечоть и Онуфрій Петрашкевичъ. Сходки происходили по воскресеньямъ, какъ въ день, свободный отъ лекцій; члены прочитывали на нихъ свои письменныя работы, которыя предварительно, до представленія ихъ профессорамъ, обсуждались и критиковались товарищами или другими членами; эти работы писались также на темы, не предложенныя профессорами, и на сходкахъ разбирались вообще разные научныя вопросы, смотря по занятіямъ, наклонности и специальности того или другого члена, предложившаго ихъ къ диспуту. Въ теченіе 1818 года присоединились къ обществу: Игнатій Домейко, Иосифъ Ковалевскій, Янъ Соболевскій, Фѣдоръ Лозинскій, Казиміръ Пясецкій и Викентій Будревичъ. Такъ какъ, вслѣдствіе увеличенія числа членовъ, чисто литературныя вопросы не могли интересовать математиковъ, математическія и естественныя науки не соприкасались съ занятіями членовъ, посѣщавшихъ въ университетѣ лекціи по филологическому или юридическому факультету, то и рѣшено было раздѣлиться на два особыхъ отдѣленія: литературное и физико-математическихъ наукъ. Это раздѣленіе повлекло за собою измѣненія и въ самой организациі кружка. Во главѣ каждаго изъ отдѣленій стояли предсѣдатель и секретарь; первымъ предсѣдателемъ литературнаго отдѣленія былъ Мицкевичъ, послѣ него Малевскій, а секретаремъ Ковалевскій; предсѣдателями же физико-математическаго отдѣленія поочередно были Занъ и Петрашкевичъ. Каждое отдѣленіе имѣло свое засѣданіе одинъ или два раза въ недѣлю; диссертациі, которыя читались на засѣданіяхъ отдѣленій, или, точнѣе говоря, только ихъ заглавія съ краткимъ указаніемъ содержанія, черезъ предсѣдателей представляемы были президенту общества, которымъ за все время существованія кружка былъ Ежовскій, утверждаемый въ этой должности черезъ каждыя три мѣсяца общимъ голосованіемъ. Президентъ и предсѣдатели отдѣленій составляли такъ-называемую дирекцію общества, обязанностью которой было раз-

¹⁾ Всѣ подробности приводятся на основаніи письменнаго показанія Мицкевича въ слѣдственной комиссіи, даннаго 20 апрѣля 1824 г., и рапорта Новосильцова отъ 13 мая того же года.

смотрѣніе всѣхъ работъ и указаніе тѣхъ, которыя, по прочтеніи и обсужденіи ихъ въ подлежащихъ отдѣленіяхъ, предназначались къ чтенію въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ. Такія общія собранія всѣхъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ президента общества, созывались два раза въ годъ. Слѣдуетъ прибавить, что члены, несмотря на столь невинныя цѣли, обязаны были соблюдать тайну существованія общества, для того (какъ впоследствии объяснилъ Малевскій), чтобы удалить отъ сообщества тѣхъ, которые оказались бы недостойными дружбы и довѣрія товарищей и которые не желали бы распространенія своихъ познаній.

Къ самымъ дѣятельнымъ и способнымъ членамъ литературнаго отдѣленія принадлежали Малевскій, Ежовскій, Ковалевскій и Мицкевичъ. Ежовскій читалъ на засѣданіяхъ двѣ диссертациі *о греческихъ трагикахъ* и *объ оригинальности въ литературныхъ произведеніяхъ*; Малевскій прочитывалъ сочленамъ свои переводы изъ Буало, а Ковалевскій—изъ греческихъ поэтовъ; Мицкевичъ, наконецъ, читалъ въ собраніяхъ свои первыя стихотворенія и, отдавая ихъ суду товарищей, дѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя поправки, согласно указаніямъ; онъ же читалъ два изслѣдованія изъ области эстетики *объ изящномъ* и *возвышенномъ*. Всѣ эти работы, будучи исполнены довольно удачно, дали основаніе самимъ членамъ общества имѣть высокое понятіе о своихъ собственныхъ способностяхъ, чему содѣйствовали также и лестные отзывы профессоровъ. Нѣкоторые изъ членовъ кружка уже въ это время стали задаваться отдаленными цѣлями: составляли планы научныхъ и литературныхъ трудовъ въ будущемъ, намѣревались посвятить себя составленію разныхъ учебниковъ, разработкѣ отечественной исторіи и національной поэзіи, чтобы этимъ путемъ и этими средствами поощрить своихъ соотечественниковъ къ сохраненію чистоты родной рѣчи и цѣлости народныхъ обычаевъ.

Ожиданія, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ, впоследствии дѣйствительно оправдались; на первыхъ порахъ, однако, послѣ этихъ товарищескихъ развлеченій и веселой студенческой жизни нельзя было предполагать, чтобы эти ожиданія осуществились: требованія практической жизни и необходимость обезпеченія своей будущности должны были быть для нихъ вопросами первостепенной важности; эти же обстоятельства сами по себѣ были причиною того, что общество филоматовъ постепенно ослабѣвало въ своей организаціи и, наконецъ, прекратило свое существованіе.

Сходки и литературныя бесѣды членовъ происходили въ теченіе учебныхъ мѣсяцевъ 1818 и не дальше какъ въ теченіе

трехъ или четырехъ первыхъ мѣсяцевъ 1819 года. Однообразіе и монотонность сходовъ при небольшомъ количествѣ членовъ уменьшали въ послѣднихъ интересъ къ засѣданіямъ; необходимость подготовиться къ экзаменамъ многимъ не позволяла писать диссертаций или рефератовъ, препятствовала также болѣе частымъ сходамъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ общество филоматовъ къ концу 1819 учебнаго года уже совершенно перестало существовать, тѣмъ болѣе, что начало новаго, 1819—20, академическаго года не застало уже въ Вильнѣ всѣхъ принадлежавшихъ къ обществу членовъ: недоставало самаго способнаго и вліятельнаго—Мицкевича, который, успѣшно выдержавъ экламень на степень магистра философіи, уже 23 іюля 1819 года назначенъ былъ учителемъ литературы, исторіи и права въ ковенскомъ уѣздномъ училищѣ.

Въ Ковнѣ, какъ извѣстно, поэтъ проводилъ невеселую жизнь: грустилъ о товарищахъ, изъ которыхъ вблизи не было ни одного, но жилъ надеждою и воспоминаніями о Марилѣ, съ которою онъ видѣлся послѣдній разъ въ лѣтнія вакаціи 1819 года. Утѣшеніемъ его была поэзія, переписка съ друзьями и поѣздки въ Вильно и въ Тугановичи, предпринимаемыя въ свободное отъ учительскихъ занятій время; большимъ развлеченіемъ для него, по крайней мѣрѣ въ первые два года, были также учительскія занятія, которымъ на первыхъ порахъ онъ посвящалъ себя съ любовью, увлеченіемъ и съ большою пользою для учениковъ. Директоръ училищъ виленской губерніи, надворный совѣтникъ Янъ Будзиловичъ, въ рапортѣ своемъ университетскому начальству, писанномъ изъ Россейнъ 4 мая 1820 года, выражается очень лестно объ этой дѣятельности Мицкевича, говоря: „Въ Ковнѣ нашелъ я г. Мицкевича, очень хорошо преподающаго свой предметъ“¹⁾, что, по всей вѣроятности, относится къ преподаванію исторіи и литературы, специальности нашего поэта²⁾.

Лѣтнія вакаціи 1820 года Мицкевичъ большею частью провелъ въ Тугановичахъ, и, кажется, что тамъ въ концѣ августа мѣсяца между нимъ и Марилей послѣдовало объясненіе, которое отнимало у поэта всякую надежду въ будущемъ на брачный союзъ. Это, по всей вѣроятности, было причиною, что Мицкевичъ, на возвратномъ пути въ Ковно, пріѣхалъ въ Вильну въ разстроенномъ, нервномъ и разгоряченномъ состояніи³⁾. Пред-

¹⁾ Переводъ съ польскаго рукописнаго подлинника.

²⁾ Сравни приведенный ниже отрывокъ изъ прошенія Мицкевича 1822 года къ князю Чарторьскому.

³⁾ К. Kaczkowski, Wspomnienia, томъ I, стр. 98.

видя, что онъ не успѣетъ во-время явиться въ Ковно къ своимъ занятіямъ, зашелъ онъ къ ректору Малевскому и директору Будзиловичу ¹⁾ съ словеснымъ донесеніемъ о дурномъ состояніи своего здоровья. Ректоръ, выговоривъ ему за просрочку, приказалъ немедленно отправиться въ Ковно. Мицкевичъ, заключая изъ словъ Малевскаго, что тотъ признаетъ болѣзнь его за притворную, обратился къ доктору Гомолицкому съ просьбою о выдачѣ ему медицинскаго свидѣтельства, котораго, однако, Гомолицкій не выдалъ, обѣщавъ лишь поэту о его болѣзни объяснить ректору словесно. Тѣмъ временемъ состояніе здоровья Мицкевича ухудшилось: онъ долженъ былъ пролежать въ постели нѣсколько дней; неизвѣстно почему пользовалъ его теперь докторъ Карлъ Качевскій и, по рекомендаціи его, врачъ Коштульскій. Между тѣмъ надзиратель ковенскаго училища Станиславъ Добровольскій, видя, что Мицкевичъ не явился своевременно къ исполненію своихъ обязанностей, донесъ о томъ директору Будзиловичу ²⁾, который, въ свою очередь, сообщилъ университетскому правленію слѣдующее: „Имѣю честь донести Правленію Императорскаго Университета, что согласно рапорту надзирателя Ковенскаго уѣзднаго училища отъ 13-го сентября, учитель словесности, права и исторіи г. Мицкевичъ до сего числа въ Ковно еще не явился и что г. Нелавицкій ³⁾, прибывшій 7-го сентября въ Ковно изъ Вильны, сообщилъ, что будто бы, выѣзжая изъ Вильны, оставилъ тамъ г. Мицкевича больнымъ и что возвращеніе послѣдняго въ Ковно послѣдуетъ по выздоровленіи“ ⁴⁾. Докторъ Гомолицкій, несмотря на свое обѣщаніе, ни слова не упомянулъ ректору о болѣзни Мицкевича; поэтому совѣтъ университета, выслушавъ вышеприведенный рапортъ Будзиловича, постановилъ предложить ему приказать Мицкевичу немедленно отправиться въ Ковно, подъ опасеніемъ быть высланнымъ туда черезъ полицію, и дать университету свое объясненіе; одновременно постановлено было также поручить надзирателю Добровольскому удержать причитающееся Мицкевичу жалованье до тѣхъ поръ, пока онъ не явится въ Ковно и не представитъ требуемаго объясненія.

Нашъ поэтъ и не подозрѣвалъ даже той грозы, которая собиралась надъ его головою, и 15-го сентября спокойно выѣхалъ

¹⁾ Korespondencya, tom IV (XI), стр. 47, и неизданное еще собственноручное объясненіе Мицкевича, представленное имъ правленію университета.

²⁾ Рапортомъ отъ 13-го сентября. Рукопись.

³⁾ Учитель математики въ ковенскомъ училищѣ.

⁴⁾ Переводъ съ польскаго; рапортъ отъ 14-го сентября 1820 года, за № 369. Рукопись.

изъ Вильны ¹⁾). Только въ Ковнѣ, на слѣдующій день, узналъ онъ о постановленіяхъ университетскаго совѣта, и неудивительно, что считалъ ихъ для себя оскорбительными и неосновательными, такъ какъ они, видимо, проистекали изъ убѣжденія Мадевскаго, что онъ, Мицкевичъ, лишь притворяется больнымъ. Въ своемъ объясненіи онъ подробно изложилъ всѣ обстоятельства, какъ они дѣйствительно были, ссылаясь при этомъ какъ на пользовавшихъ его врачей, такъ и на аптекаря, въ доказательство, что „истинная болѣзнь“ была причиною просрочки отпуска, и какъ скоро она миновала, онъ не замедлил поспѣшить въ Ковно, „не для уклоненія (говорилъ онъ) отъ полицейскихъ властей, съ которыми я, какъ находящійся въ вѣдѣніи университета, не надѣялся имѣть никакихъ столкновеній и которыхъ, какъ исполняющій свои обязанности, никогда не опасаюсь: но скорѣе для немедленнаго исполненія обязанностей службы, которымъ я посвятилъ себя по призванію, которыя до сихъ поръ я выполнялъ по силѣ возможности и которыя выполнять, несмотря ни на что, я признаю для себя священнымъ правомъ“ ²⁾). Въ заключеніе Мицкевичъ просилъ о выдачѣ ему жалованья, по крайней мѣрѣ, со дня вступленія въ должность, то-есть съ 16-го сентября.

Это объясненіе было представлено директору Будзиловичу, имъ же препровождено въ правленіе университета ³⁾). Совѣтъ университета призналъ это объясненіе дѣтскимъ и наивнымъ, но, имѣя въ виду молодость и неопытность поэта, ограничился строгимъ выговоромъ ему и замѣчаніемъ, что въ случаѣ повторенія подобнаго рода проступка его постигнетъ болѣе строгое наказаніе, рѣшивъ, однако, выдать ему причитающееся жалованье съ 1-го сентября ⁴⁾).

Подъ такими-то неблагоприятными обстоятельствами начался для Мицкевича новый учебный 1820—21 годъ. Описанное выше столкновеніе съ высшими учебными властями самому ему лично не было особенно пріятно; отсутствіе друзей, уединеніе и воспоминанія о потерянной любви настроивали поэта меланхолически; 20-го октября 1820 года умерла его мать, съ которою онъ не могъ видѣться по причинѣ отдаленности; наконецъ, 2-го февраля 1821 года вышла замужъ за Лаврентія Путткамера обоготворяемая и поэтизированная поэтотъ Марія: онъ на видъ спо-

¹⁾ Рапортъ Будзиловича правленію университета отъ 17-го сентября, за № 372. Рукопись.

²⁾ По неизданному автографу; переводъ съ польскаго.

³⁾ При рапортѣ отъ 21-го сентября за № 382. Рукопись.

⁴⁾ Korespondencya, томъ IV (XI), стр. 47.

койно перенесъ эти удары судьбы, но на самомъ дѣлѣ не устоялъ противъ нихъ и поплатился своимъ здоровьемъ. Поэтому, когда онъ въ началѣ лѣтнихъ вакацій 1821 года пріѣхалъ въ Вильну, друзья и товарищи уговорили его подать прошеніе правленію университета о разрѣшеніи ему годичнаго отпуска для поправленія здоровья, съ сохраненіемъ получаемаго жалованья ¹⁾. Министръ народнаго просвѣщенія, согласно представленію попечителя виленскаго учебнаго округа, князя Адама Чарторыскаго, исходатайствовалъ на это высочайшее соизволеніе, но съ назначеніемъ только $\frac{2}{3}$ годичнаго оклада жалованья, то-есть 200 рублей. Весь этотъ годъ (съ 1-го сентября 1821 по 1-е сентября 1822 года) Мицкевичъ провелъ въ Вильнѣ, исключительно почти посвятивъ себя поэзій и бесѣдамъ съ бывшими университетскими товарищами.

Въ теченіе этого года появился въ печати первый томъ его стихотвореній, была написана „Гражина“, часть поэмы „Дзяды“ и замѣчательная „Ода къ юности“, которая была косвеннымъ отвѣтомъ на объявленный филаретами конкурсъ составленія пѣсни, выражающей ихъ стремленія и цѣли. Мицкевичъ не принадлежалъ къ обществу филаретовъ, но не относился къ нему пассивно. Проживая на квартирѣ Чечота, онъ часто встрѣчался съ многими членами общества; къ филаретамъ принадлежали нѣкоторые изъ его университетскихъ коллегъ; предсѣдателемъ этого общества былъ лучший другъ его — Тома Занъ; общество само по себѣ, должно быть, интересовало его, такъ какъ оно было до извѣстной степени видоизмѣненіемъ бывшаго общества филаретовъ. Поэтому бывалъ онъ на засѣданіяхъ тѣхъ или другихъ филаретскихъ кружковъ, руководилъ диспутами, критиковалъ письменныя работы членовъ, поощрялъ ихъ и ободрялъ ихъ духъ стихотвореніями или пѣснями, выражающими въ аллегорической формѣ цѣли и стремленія общества (Pieśń filaretów и др.). Эти же соображенія заставили Мицкевича также принять участіе въ маювкѣ (прогулкѣ), которую филареты устроили въ честь Зана и на которой молодежь просила его поднести своему другу отъ ея имени стальной перстень и вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ ²⁾.

Рядомъ съ этимъ Мицкевичъ былъ занятъ и болѣе серьезными мыслями и заботами о своей будущности. Пользуясь прібытіемъ въ Вильну попечителя Чарторыскаго (18-го марта 1822 года), онъ лично подалъ ему прошеніе о командировкѣ за

¹⁾ По неизданному автографу, помѣченному въ Вильнѣ 12-мъ іюля 1821 года.

²⁾ По неизданному письменному показанію Мицкевича въ слѣдственной комиссіи, 19-го ноября 1823 года.

границу на средства университета, для поправленія здоровья и для усовершенствованія себя въ наукахъ. „Я желалъ бы, — пишетъ онъ въ этомъ прошеніи, — слушать въ иностранныхъ университетахъ лекціи по теоріи изящныхъ искусствъ или эстетики во всѣхъ ея отдѣлахъ: познакомиться съ исторіею искусствъ и образцами ихъ, изучить части ея, теоретическую и критическую. Не безъинтересно было бы также познакомиться съ методомъ, по которому эти знанія читаются въ университетахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы тѣмъ лучше примѣнить приобрѣтенныя познанія къ нашимъ учебнымъ заведеніямъ и мѣстнымъ нуждамъ, составляя на этотъ конецъ школьный учебникъ, что я уже давно имѣлъ въ виду“ ¹⁾. Эти слова доказываютъ, что заграничная командировка Мицкевича и начертанная имъ программа его ученыхъ занятій были однимъ шагомъ впередъ къ осуществленію мыслей и цѣлей, зародившихся или возникшихъ раньше въ обществѣ филоматовъ. Чарторыскій благосклонно принялъ прошеніе поэта и препроводилъ его въ совѣтъ университета на заключеніе. Но здѣсь недоброжелательно отнеслись къ этому дѣлу, въ особенности Эрнестъ Гроддекъ и Андрей Снядецкій, самые вліятельные члены университетскаго совѣта. Гроддекъ потребовалъ, чтобы Мицкевичъ прежде всего представилъ и защитилъ магистерскую диссертацию. Снядецкій же высказался противъ, не будучи хорошо расположенъ къ Мицкевичу, какъ неспособному, на его взглядъ, новатору въ области поэтическаго творчества и передовому борцу романтическаго направленія: онъ порицалъ это направленіе и признавалъ его вреднымъ, ибо въ немъ, по его мнѣнію, — какъ мѣтко выразился г. Спасовичъ ²⁾, — „кроются бури, клокочуть элементы, которые прорвутъ плотины и какъ стихійныя силы увлекутъ общество въ невѣдомыя пустыни, поставятъ его среди развалинъ и страданій“. Вслѣдствіе оппозиціи со стороны этихъ двухъ представителей профессорской корпораціи, прошеніе Мицкевича было оставлено безъ послѣдствій. Но мало того, Мицкевичъ подпалъ подъ особый надзоръ ректора, по порученію самаго князя попечителя. Вотъ какъ это случилось.

Слѣдуетъ припомнить, что когда общество филоматовъ разошлось, какъ объ этомъ была рѣчь выше, Занъ и нѣкоторые другіе филоматы, проживавшіе въ Вильнѣ, не оставили мысли дѣйствовать въ избранномъ направленіи, напротивъ даже — стремились къ расширенію общества на тѣхъ же основаніяхъ и къ

¹⁾ Korespondencya, томъ IV, стр. 79.

²⁾ Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, II томъ, стр. 605.

увеличенію числа его членовъ. Чтобы ближе ознакомиться съ настроеніемъ университетской молодежи, а въ особенности чтобы удостовѣриться, кого изъ среды ея можно было бы привлечь къ обществу, Занъ въ концѣ апрѣля 1820 года ¹⁾ предложилъ студентамъ собраться на маювку (майская прогулка), которая и состоялась съ вѣдома и разрѣшенія ректора въ одно изъ первыхъ воскресеній мая мѣсяца. Участвующіе въ этой маювкѣ одобрили предложенныя Заномъ 15 правилъ, относящихся до ихъ поведенія, и порѣшили, что желающіе руководиться этими правилами будутъ называться „обществомъ учениковъ полезныхъ развлеченій“. Правила были затѣмъ представлены ректору Малевскому, который и утвердилъ ихъ, въ увѣренности, что они будутъ поощреніемъ къ труду, прилежанію и порядку учениковъ нерадивыхъ и облегчатъ также присмотръ за молодежью, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду или самъ лично когда-либо быть на этихъ прогулкахъ, или же послать кого-нибудь изъ профессоровъ для наблюденія за этими увеселеніями молодежи. Участвующіе въ маювкахъ только для университетскаго начальства носили названіе „общества учениковъ полезныхъ развлеченій“, а сами между собою называли себя „лучезарными“ ²⁾. Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1820 года произошли три такого рода маювки. Когда, однако, ректоръ замѣтилъ, что на нихъ бывають и постороннія лица, то-есть не-студенты, то онъ запретилъ эти собранія и, отобравъ отъ Зана утвержденныя имъ правила, обязалъ его подъ личною отвѣтственностью, чтобы подобнаго рода увеселенія или собранія впредь не повторялись; узнавъ же по слухамъ о какомъ-то среди молодежи обществѣ лучезарныхъ, снова подробно разспрашивалъ Зана относительно существованія такого общества. Занъ отъ всего отперся, увѣряя, что источникомъ этихъ слуховъ были разные проекты, какое названіе дать обществу учениковъ полезныхъ развлеченій, и что секретное или тайное общество подъ названіемъ лучезарныхъ не существовало и не существуетъ. Вслѣдствіе того, ректоръ Малевскій запретилъ только Зану организовать какіе бы то ни было студенческіе кружки и каждому

¹⁾ Сообщаю нижеслѣдующія точныя подробности на основаніи неизвѣстнаго до-селѣ рапорта ректора Малевскаго отъ 16-го іюля 1823 года, представленнаго Новосильцову, и рапорта послѣдняго цесаревичу Константину отъ 13 мая 1824 года.

²⁾ Отъ слова *лучь*, въ силу теории Зана, по которой всѣ, въ особенности хорошія свойства человеческой души и сердца выражаются во взорѣ особымъ лучомъ; при взаимномъ созерцаніи или передачѣ другъ другу этихъ душевныхъ лучей возникаютъ любовь, дружба и другія чувства, которыя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ совершеннѣе были въ нравственномъ отношеніи данныя лица.

изъ вновь поступающихъ въ университетъ объявлялъ, что студентамъ запрещено принадлежать къ какимъ-либо обществамъ. Такимъ образомъ, съ этого времени *общія* студенческія маювки или прогулки уже совсѣмъ не могли имѣть мѣста. Однако Занъ избралъ уже изъ среды товарищей до 40 человекъ и продолжалъ съ ними такія же прогулки, обязавъ ихъ письменно въ томъ, что они, добровольно принимая участіе въ дружескихъ увеселеніяхъ, честнымъ словомъ обѣщаются никому не сообщать о предметахъ и содержаніи бесѣдъ на этихъ прогулкахъ. Эти-то 40 *секретныхъ* лучезарныхъ въ сентябрѣ 1820 года, по совѣту Франциска Малевскаго, но по инициативѣ и подъ предсѣдательствомъ Зана, образовали новое тайное общество *филаретовъ*.

До развитія извѣстнаго слѣдствія о виленскихъ студентахъ, какъ въ правительственныхъ, такъ и въ университетскихъ сферахъ ничего не было извѣстно о существованіи филаретовъ; зато слухи о какихъ-то лучезарныхъ постоянно носились по Вильнѣ, несмотря на упомянутое выше объясненіе Зана и запрещеніе ректора. Они дошли даже до попечителя Чарторыскаго, вслѣдствіе чего онъ видѣлъ себя принужденнымъ секретно ¹⁾ поручить Малевскому имѣть наблюденіе, чтобы въ Вильнѣ между студентами не появилось стремленіе къ образованію тайныхъ обществъ: во избѣжаніе этого необходимъ строгій надзоръ за воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній; въ Вильнѣ лично, а въ провинціи черезъ визитаторовъ, ректоръ долженъ былъ слѣдить за поведеніемъ молодежи, поддерживать школьную дисциплину, заставлять ихъ заниматься науками, запрещать сношенія и связи съ посторонними лицами, но все это дѣлать настолько осторожно, чтобы не возбудить подозрѣнія и не дать „начала и развитія мыслямъ, которыя безъ этого, можетъ быть, не осуществились бы“. Когда же весною 1822 года Чарторыскій самъ лично пріѣхалъ въ Вильну и снова дошли до него слухи о существованіи между студентами какого-то общества лучезарныхъ, то приказалъ ²⁾ профессору Боянусу, сообщая съ двумя другими профессорами, священникомъ Клончевичемъ и Лобойкою, составить комиссію, „которая изыскала бы средства осторожныя, скорыя и вѣрныя для разслѣдованія и сообщенія мнѣ, какъ давно и существуетъ ли въ настоящее время такое общество, какой его составъ и цѣль, гдѣ происходятъ его собранія, чѣмъ члены занимаются на сходкахъ, не имѣетъ ли оно какихъ-либо письменныхъ протоколовъ“

¹⁾ Предписаніемъ отъ 3-го ноября 1821 года, за № 195. Рукопись.

²⁾ Предписаніемъ отъ 28-го апрѣля 1822 года, за № 336. Рукопись.

и устава, и если они существуютъ, то таковыя тотчасъ же отобрать, составить имъ опись, рассмотреть и содержаніе ихъ представить мнѣ въ рапортѣ“. Въ случаѣ надобности члены этой комиссіи должны были требовать содѣйствія ректора, которому попечитель и приказалъ ¹⁾ удовлетворять всѣмъ ихъ требованіямъ и давать необходимыя указанія. Приступая къ исполненію этихъ порученій, ректоръ Малевскій, не имѣя самъ никакихъ документовъ, касающихся общества лучезарныхъ, отобралъ у Зана всѣ бумаги, какія только нашлись въ его квартирѣ (между ними была копія 15-ти правилъ, представленныхъ ему раньше на утвержденіе), и всѣ эти бумаги вручилъ Боянусу, а чтобы еще вѣрнѣе напасть на слѣдъ существованія лучезарныхъ, забралъ также всѣ бумаги, найденныя въ квартирѣ Федора Лозинскаго, какъ уже давно состоящаго при университетѣ и друга Зана; наконецъ, отобралъ всѣ бумаги и у Мицкевича и всѣ препроводилъ къ Боянусу для разслѣдованія ²⁾. Комиссія рассмотрѣла ихъ и призвала для устнаго объясненія cadaго изъ упомянутыхъ, то-есть Зана, Лозинскаго и Мицкевича. Бумаги „не заключали въ себѣ ничего знаменательнаго“ и вскорѣ были возвращены ихъ владельцамъ; изъ словесныхъ же объясненій также нельзя было вывести положительныхъ заключеній; что касается Мицкевича, то онъ отрицалъ свое участіе въ какомъ бы то ни было кружкѣ, чего, впрочемъ, и слѣдствіе обнаружить не могло. Поэтому комиссія въ представленномъ Чарторыскому докладѣ высказалась между прочимъ, „что хотя, какъ кажется, тайнаго общества не было, однако какой-то явный кружокъ „учениковъ полезныхъ развлеченій“ дѣйствительно существовалъ нѣкоторое время, подъ предсѣдательствомъ Зана и Лозинскаго и съ разрѣшенія ректора, но когда разрѣшеніе это было отобрано, собранія общества больше не происходили“. Въ виду такихъ результатовъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ спеціальной комиссіи, Чарторыскій принужденъ былъ ограничиться лишь новымъ порученіемъ ректору, которымъ, во-первыхъ, запретилъ ему давать студентамъ разрѣшеніе на образованіе какихъ бы то ни было обществъ; во вторыхъ, ректоръ долженъ былъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы студенты были заняты единственно только науками, а деканы должны были наблюдать, чтобы они не составляли никакихъ кружковъ; въ-третьихъ, наконецъ, попечитель поручилъ ректору слѣдующее: „предлагаю вашему высочородію имѣть

¹⁾ Предписаніемъ отъ 28-го апрѣля, за № 331. Рукопись.

²⁾ Рапортъ Малевскаго Новосильцову отъ 16 іюля 1823 года. Рукопись.

постоянное наблюдение и слѣдить за всѣми сходками, за всякими поступками студентовъ университета Юмы Зана и Федора Лозинскаго, а также учителя Мицкевича, который хотя и не сознается въ принадлежности къ какому бы то ни было обществу, какъ это, впрочемъ, видно и изъ слѣдствія, но такъ какъ о немъ упоминается въ рапортѣ комиссіи, то въ продолженіе нѣкотораго времени и надъ нимъ также слѣдуетъ имѣть особый надзоръ¹⁾.

Надзоръ былъ только формальный, тѣмъ болѣе, что не было ничего замѣчено такого, что требовало бы особенной бдительности, и поэтому Шимонъ Малевскій, сдавая свою должность новому ректору Иосифу Твардовскому, сообщилъ ему вышеупомянутое предписаніе попечителя, прибавивъ при этомъ, что Мицкевичъ, насколько ему извѣстно, занимался только приготовленіемъ къ печати своихъ произведеній и ни въ какіе кружки или общества не ввязывался.

Къ началу 1822—23 учебнаго года Мицкевичъ возвратился въ Ковно къ своимъ учительскимъ занятіямъ²⁾. Здѣсь снова повторилась прежняя исторія. Уединеніе, отсутствіе товарищей, воспоминанія о прежней любви, живѣе отзывавшіяся въ его сердцѣ при этомъ уединеніи, наконецъ преподаваніе уроковъ—все это имѣло дурное вліяніе на состояніе его здоровья. Уже въ половинѣ февраля 1823 года нашему поэту угрожала опасность впасть въ тяжкую болѣзнь, несмотря на заботы и старанія Ковальскихъ, семью которыхъ онъ чаще всего любилъ посѣщать. Госпожа Ковальская старалась развлечь поэта музыкою, литературными новостями и журналами, нарочно для него выписываемыми, а ея мужъ, ковенскій уѣздный врачъ, своими совѣтами старался облегчить его физическія страданія. По оффиціальному медицинскому свидѣтельству Ковальскаго, данному 24-го февраля, „Мицкевичъ чувствовалъ постоянную боль въ груди и въ правомъ боку съ частымъ кровохарканіемъ (haemoptysis), усиливающимся всегда послѣ продолжительнаго разговора или декламаціи, въ особенности когда передъ этимъ онъ не дѣлаетъ моціона; по тщательномъ изслѣдованіи болѣзни я нахожу, — пишетъ врачъ далѣе, — что причиною ея не что иное, какъ геморроидальный приливъ крови къ груди и приостановленное кровотеченіе въ печени, вызывающее все болѣе замѣтное отвердѣніе ея (induratio hepatis), чему содѣйствуютъ и все болѣе ухудшаютъ состояніе здоровья сидячая

¹⁾ По неизданному подлиннику отъ 11 мая 1822 года, за № 397.

²⁾ Korespondencya A. Mickiewicza, томъ IV, стр. 49.

жизнь и преподаваніе уроковъ¹⁾. Эта болѣзнь требовала вторичнаго оставленія учительской должности и основательнаго леченія, на чемъ настаивалъ и Ковальскій, совѣтуя Мицкевичу отправиться на пирмонтскія минеральныя воды и провести два года въ тепломъ климатѣ. Спустя мѣсяць, Мицкевичъ рѣшился на это и 25-го марта написалъ въ правленіе университета прошеніе о вторичномъ освобожденіи его на два года отъ учительскихъ обязанностей и о содѣйствіи въ ходатайствѣ о заграничномъ паспортѣ²⁾.

Иосифъ Скочювскій, исправлявшій должность директора училищъ виленской губерніи, препроводилъ³⁾ прошеніе Мицкевича, вмѣстѣ съ медицинскимъ свидѣтельствомъ Ковальскаго, къ ректору университета Твардовскому, который въ свою очередь представилъ его попечителю, князю Адаму Чарторыскому. Дѣло не затянулось долго, такъ какъ уже 11-го мая Чарторыскій подписалъ въ Пулавахъ (Новая Александрія) слѣдующее предписаніе правленію виленскаго университета: „Имѣя въ виду слабое здоровье г. Мицкевича, вслѣдствіе чего онъ не можетъ постоянно заниматься преподаваніемъ уроковъ, а равно и его способности, подающія большія надежды, еслибы только здоровье позволило ему развить ихъ, я съ своей стороны не нахожу никакихъ препятствій къ освобожденію его отъ учительскихъ занятій для поправленія здоровья. Но такъ какъ г. Мицкевичъ получилъ образованіе на счетъ средствъ учительской семинаріи, за что еще не выслужилъ установленныхъ шести лѣтъ, то при временномъ освобожденіи его отъ обязанности правленіе университета возьметъ съ него подписку, что, по возвращеніи изъ отпуска, онъ снова поступитъ на должность и дослужитъ обязательныя шесть лѣтъ“⁴⁾.

Обязательство или подписка, о которой сейчасъ упомянуто, несомнѣнно была дана Мицкевичемъ, но я не могъ найти ея въ матеріалахъ, которые были въ моемъ распоряженіи. Отпускъ считался Мицкевичу съ 1-го сентября 1823 года, и онъ между тѣмъ, до наступленія указаннаго срока, имѣлъ время исходатайствовать себѣ заграничный паспортъ. Прошеніе объ этомъ было имъ подано виленскому военному губернатору Римскому-Корсакову, который въ свою очередь отнесся за разрѣшеніемъ въ Варшаву къ вели-

1) По неизданному автографу, писанному на гербовой бумагѣ рублеваго качества.

2) При рапортѣ отъ 29-го марта 1823 года, за № 138. Рукопись.

3) По неизданному автографу Мицкевича.

4) По неизданному подлиннику, за № 236. Переводъ съ польскаго; бумага попечителя была получена канцелярією университета 18-го мая.

кому князю Константину Павловичу. Намѣстникъ, прежде чѣмъ разрѣшить выдачу паспорта, потребовалъ свѣденій: „чему Мицкевичъ обучаетъ, нѣтъ ли за нимъ чего порочнаго, по какой бо-лѣзни ѣдетъ и какими средствами будетъ содержать себя за границею два года“ ¹⁾. Римскій-Корсаковъ обратился за этими свѣденіями къ ректору университета Іосифу Твардовскому, который на первый вопросъ отвѣтилъ ²⁾, что Мицкевичъ „обучалъ въ ковенскомъ уѣздномъ училищѣ словесности, исторіи и нравственнымъ наукамъ“; что касается второго и третьяго вопроса, онъ сослался на свидѣтельства своего предшественника Малевскаго и врача Ковальскаго; не будучи же въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта на послѣдній вопросъ, а также чтобы вѣрнѣе убѣдиться, нѣтъ ли за Мицкевичемъ чего-либо предосудительнаго, секретнымъ отношеніемъ ³⁾ потребовалъ объясненія отъ надзирателя ковенскаго училища Станислава Добровольскаго. Послѣдній кратко, но хорошо и даже лестно высказался о поведеніи Мицкевича, говоря: „насколько позволяло ему здоровье, всегда съ большимъ усердіемъ преподавалъ свои уроки, свободное же отъ занятій время въ уединеніи посвящалъ наукѣ и въ теченіе трехлѣтняго пребыванія его въ Ковнѣ въ немъ не было замѣчено ничего порочнаго, — напротивъ, онъ обнаружилъ всѣ лучшія качества, соотвѣтствующія его призванію учителя“; что же касается до средствъ, которыми Мицкевичъ долженъ содержать себя за границею, Добровольскій донесъ ректору слѣдующее: „навѣрное могу сказать, что этотъ учитель, одаренный большими способностями, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ писалъ свои произведенія, которые теперь печатаются, съ единственною цѣлью собрать нужную ему сумму денегъ на путешествіе въ теплые края для поправленія своего здоровья; изъ этого источника онъ надѣялся собрать нѣсколько сотъ рублей серебромъ, а не имѣя другихъ потребностей, исключая путевыя издержки и содержаніе себя, предполагаетъ, что этихъ денегъ хватитъ ему на два года“ ⁴⁾. Твардовскій сообщилъ ⁵⁾ этотъ отзывъ Корсакову, а тотъ, какъ слѣдовало ожидать, послалъ его въ Варшаву. Но и теперь не послѣдовало разрѣшеніе на выдачу Мицкевичу заграничнаго пас-

¹⁾ Отношеніе Римскаго-Корсакова ректору Твардовскому отъ 26-го августа 1823 года за № 3027. Рукопись, подлинникъ на русскомъ языкѣ.

²⁾ Черновое отношеніе ректора отъ 29-го августа 1823 года, за № 321.

³⁾ Черновое отношеніе отъ 2-го сентября того же года.

⁴⁾ По неизданному подлиннику, помѣченному въ Ковнѣ 6-го сентября 1823 г., № 64.

⁵⁾ При отношеніи отъ 8-го сентября, за № 333. Рукопись.

порта, вѣрнѣе всего потому, что, вслѣдствіе измѣнившагося въ высшихъ правительственныхъ сферахъ направленія, недоброжелательно смотрѣли на заграничную поѣздку молодого учителя и поэта, влияніе котораго на молодежь не было тайною. Въ Варшавѣ пожелали имѣть болѣе точныя свѣденія о печатающихся произведеніяхъ Мицкевича, хотя и не очень-то торопились узнать объ этомъ, такъ какъ Римскій-Корсаковъ едва 26-го февраля 1824 года предписалъ ректору Твардовскому: „увѣдомить меня непродолжительно (!), какое именно издается учителемъ Мицкевичемъ сочиненіе, что оно въ себѣ содержитъ и было ли въ просмотрѣ цензуры, а также состоитъ ли нынѣ Мицкевичъ при должности“¹⁾.

Въ особенности этотъ послѣдній вопросъ былъ довольно странный, такъ какъ нашъ поэтъ въ это время уже четыре мѣсяца находился въ заключеніи въ базилианскомъ монастырѣ въ Вильнѣ.

Обстоятельства, послужившія поводомъ къ возбужденію дѣла о тайныхъ обществахъ въ Вильнѣ среди молодежи и къ арестованію Мицкевича, хорошо уже извѣстны; но подробности слѣдствія, касающіяся нашего поэта, впервые сообщаемъ ниже на основаніи подлинныхъ документовъ.

Сначала сенаторъ Новосильцовъ, по приказанію великаго князя Константина Павловича, самъ руководилъ слѣдствіемъ; когда же онъ въ августѣ 1823 года уѣхалъ на нѣкоторое время въ Варшаву, то поручилъ веденіе этого дѣла виленскому полицій-мейстеру Шлыкову и совѣтнику губернскаго правленія Лавриновичу, при содѣйствіи, на случай надобности, ректора Твардовскаго. Когда привлеченный къ слѣдствію студентъ Янковскій далъ показаніе о существованіи общества филаретовъ, дѣло приняло обширные размѣры: почти всѣ принадлежавшіе къ этому обществу студенты, въ числѣ болѣе ста человекъ, были арестованы въ Вильнѣ; послано было даже въ Берлинъ приказаніе арестовать Франциска Малевскаго²⁾ и выслать его въ Вильну. Важность дѣла заставила Новосильцова возвратиться въ Вильну, для личнаго надзора, а также поручить виленскому губернскому прокурору Ботвинко присутствовать въ слѣдственной комиссіи (Шлыковъ и Лавриновичъ), назначенной для допроса арестованныхъ, и имѣть наблюденіе, чтобы законный порядокъ былъ во всемъ соблюдаемъ. Въ исполненіе этого порученія Ботвинко 10-го ноября 1823 года посѣтилъ также заключенныхъ въ разныхъ монастыряхъ студен-

¹⁾ По неизданному подлиннику отъ 26-го февраля 1824 года, за № 714.

²⁾ Сынъ бывшаго ректора Шимона Малевскаго, магистръ юридическихъ наукъ; онъ былъ командированъ университетомъ въ Берлинъ для научныхъ занятій.

товъ и представилъ Новосильцову рапортъ, что они „помѣщеніе имѣютъ довольно выгодное, удовлетворяются пищею, одни на собственный счетъ изъ трактировъ, другіе отъ монастырей, а многіе отъ здѣшняго ректора г. Твардовскаго; никто изъ нихъ не объявилъ въ томъ недостатка, не жаловались также и на какія-либо притѣсненія, только учитель Адамъ Мицкевичъ требовалъ доктора вырвать больной зубъ“¹⁾. Всѣ арестованные по очереди были приводимы въ слѣдственную комиссію, гдѣ давали письменные отвѣты на предложенные имъ вопросы. Мицкевичъ первый отвѣтъ писалъ 19-го ноября. Въ это время комиссія еще ничего не знала о существованіи общества филоматовъ, слѣдовательно его допрашивали единственно объ участи въ обществахъ лучезарныхъ и филаретовъ. Согласно сказанному выше, Мицкевичъ отрицалъ и то и другое, объясняя, что онъ только зналъ о существованіи общества филаретовъ, посѣщалъ же ихъ собранія только лишь въ качествѣ гостя, въ маювѣ въ честь Зана хотя и принималъ участіе, но единственно склоняясь къ просьбамъ знакомыхъ и какъ другъ Зана²⁾.

Въ концѣ ноября и въ началѣ декабря были также допрашиваемы: Ксаверій Турскій, Антонъ-Эдуардъ Одынецъ, Наполеонъ Новицкій, Игнатій и Александръ Домейко, наконецъ Николай Малиновскій, такъ какъ объ увольненіи на свободу ихъ и Мицкевича прежде всего были возбуждены ходатайства со стороны ихъ родныхъ и знакомыхъ. 19-го декабря комиссія рассматривала пять прошеній на имя Новосильцова объ увольненіи на поручительство: 1) отъ Александра Турскаго о братѣ—его Ксаверіи Турскомъ; 2) Онуфрія Гнатовича—о племянникѣ его Антонѣ-Эдуардѣ Одынцѣ; 3) камеръ-юнкера Ляхницкаго—о Наполеонѣ Новицкомъ и Адамѣ Мицкевичѣ; 4) Юсіфа Домейки—о племянникахъ Игнатіѣ и Александрѣ Домейкахъ и 5) отъ типографщика Юсіфа Завадзкаго—о Николаѣ Малиновскомъ. Что касается Мицкевича, то комиссія выразила о немъ слѣдующее мнѣніе: „Адамъ Мицкевичъ, бывшій учитель ковенскаго училища, въ отвѣтахъ своихъ показывая, что къ обществу филаретовъ не принадлежалъ, не былъ онаго членомъ, присяги не исполнилъ и не входилъ ни въ какую обязанность, сознался, однако, что нѣсколько разъ былъ на засѣданіяхъ союзовъ и на бесѣдахъ, якобы по знакомству токмо съ членами общества филаретовъ и даже стальной перстень, симъ обществомъ предсѣдателю Зану сдѣлан-

¹⁾ По неизданному подлиннику.

²⁾ По неизданному автографу Мицкевича.

ный, онъ же, Мицкевичъ, вручилъ ему и сказалъ нѣсколько стиховъ, поздравляя его, что толикое число имѣеть друзей; а притомъ и 12 человекъ изъ допрошенныхъ уже филаретовъ показываютъ, что и онъ, Мицкевичъ, принадлежалъ къ обществу ихъ, почему и нужно ему дать съ ними очную ставку“¹⁾. Коммиссія, однимъ словомъ, не признала возможнымъ уволнить вышеупомянутыхъ лицъ на поручительство; Новосильцовъ согласился съ ея мнѣніемъ, и на представленномъ ему спискѣ этихъ лицъ, съ отзывами коммиссіи о каждомъ, собственноручно написалъ слѣдующую резолюцію: „По принятому коммиссіею правилу, ни одного изъ поименованныхъ въ семъ спискѣ пяти учениковъ на поручительство выпустить нельзя, потому что ни одинъ изъ нихъ чисто-сердечно въ томъ, что читаны были на бесѣдахъ филаретовъ предосудительныя для правительства сочиненія, не признается, тогда какъ коммиссія имѣеть въ своихъ рукахъ вѣрнѣйшія тому доказательства“. На этомъ основаніи прошенія всѣхъ поручителей не возымѣли успѣха и были имъ возвращены съ надписями, что „несходства въ нѣкоторыхъ предметахъ съ обстоятельствами дѣла показаній сказанныхъ филаретовъ требуютъ поясненія и уликъ очными ставками и что до того и до дальнѣйшаго соображенія они на порукѣ находиться не могутъ“.

Показаніе Франциска Малевскаго о существованіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ общества филаретовъ повлекло за собою необходимость вторичнаго допроса всѣхъ тѣхъ, которые были членами этого кружка. Въ числѣ ихъ былъ и Мицкевичъ. 20 апрѣля 1824 года онъ былъ вторично призванъ въ слѣдственную коммиссію, гдѣ потребовали отъ него объясненія касательно образованія, характера и дѣйствій этого общества. обстоятельный отвѣтъ поэта, на основаніи котораго я уже выше выяснилъ исторію филаретовъ, много содѣйствовало освобожденію его изъ-подъ ареста, о чемъ въ апрѣлѣ этого года снова стали ходатайствовать другія лица, а именно, прославленный поэтомъ его профессоръ Іоакимъ Лелевель. 19-го апрѣля онъ подалъ Новосильцову прошеніе слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ между арестованными находится г. Адамъ Мицкевичъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство объ увольненіи его на мое поручительство“²⁾. Того же дня онъ представилъ въ слѣдственную коммиссію и обязательство, въ которомъ ручался за Мицкевича, какъ своею личностью, такъ и всѣмъ имуществомъ, „заявляя, что

¹⁾ По неизданному оригиналу.

²⁾ Неизданный подлинникъ; переводъ съ польскаго.

онъ явится по каждому требованію комиссіи, а пока не получить разрѣшенія на выѣздъ, будетъ оставаться въ этомъ городѣ (Вильнѣ), а также, что онъ, избѣгая всякихъ запрещенныхъ обществъ, никому никогда не скажетъ, въ чемъ его допрашивали, равно и о своихъ отвѣтахъ“¹⁾. Слѣдственная комиссія, какъ мнѣ кажется, воспользовалась этимъ прошеніемъ Лелевеля, чтобы добиться отъ Мицкевича обстоятельнаго и откровеннаго отвѣта относительно общества филоматовъ; стремленіемъ и желаніемъ къ освобожденію изъ заключенія слѣдуетъ также объяснить и прибавленіе, сдѣланное Мицкевичемъ въ дополненіе къ вопросамъ, предложеннымъ ему комиссіею еще 19-го ноября 1823 года: „хотя я не былъ дѣятельнымъ членомъ филаретовъ, не перестану раскаиваться въ томъ, что я безъ всякой нужды, принявъ участіе въ бесѣдахъ этого общества, неблагоприятно навлекъ на себя замѣчаніе правительства, и общаюсь, что въ послѣдующей моей жизни этотъ ошибочный шагъ будетъ для меня полезнымъ предостереженіемъ“²⁾. Слѣдственная комиссія въ докладной запискѣ, представленной Новосильцову, это признаніе и раскаяніе выставила мотивомъ въ пользу увольненія Мицкевича на поручительство Лелевеля. Новосильцовъ на этотъ разъ не оставилъ удовлетворить прошенію послѣдняго, и 20-го апрѣля Мицкевичъ подписалъ предложенное ему обязательство, что будетъ являться по всякому требованію комиссіи и не выдастъ секрета, о чемъ его допрашивали; въ этомъ обязательствѣ былъ еще и слѣдующій пунктъ: „не только самъ я не буду принадлежать къ какому бы то ни было обществу, образованному безъ разрѣшенія правительства, но и сообщать буду, кому слѣдуетъ, согласно присягѣ вѣрноподданнаго, лишь только узнаю о существованіи такого общества“³⁾. 21-го апрѣля поэтъ былъ освобожденъ изъ заключенія и ему были возвращены всѣ бумаги, отобранныя у него и не относящіяся къ дѣлу⁴⁾. Послѣ этого Мицкевичъ только одинъ разъ былъ призываемъ въ комиссію—28-го апрѣля, для очной ставки съ четырьмя филаретами: Яномъ Ключовскимъ, Стефаномъ Домбровскимъ, Николаемъ Малиновскимъ и Ксаверіемъ Турскимъ, утверждавшими въ своихъ показаніяхъ, что онъ принадлежалъ къ обществу филаретовъ. На очной ставкѣ всѣ они единогласно отвѣтили, что, видя Мицкевича, подносящаго Зану стальной перстень,

1) По неизданному подлиннику; переводъ съ польскаго.

2) По неизданному автографу Мицкевича; переводъ съ польскаго.

3) По неизданному подлиннику.

4) Я видѣлъ собственноручную росписку поэта въ полученіи этихъ бумагъ, помянутую 21-мъ апрѣля.

предполагали, что и онъ принадлежитъ къ ихъ обществу, но, не имѣя на это другихъ доказательствъ, отказываются отъ перваго своего показанія, какъ даннаго по ошибкѣ.

Таковъ былъ ходъ дѣла или, точнѣе, участіе въ немъ Мицкевича. Въ половинѣ мая все слѣдствіе было окончено, и результаты его Новосильцовъ изложилъ въ обстоятельномъ секретномъ донесеніи великому князю Константину Павловичу ¹⁾, обозначивъ въ немъ также и степень наказанія, какому слѣдуетъ подвергнуть каждое изъ лицъ, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ. Согласно высочайшему повелѣнію, окончательное разсмотрѣніе всего этого дѣла было поручено особой комиссіи, составленной изъ трехъ членовъ, именно: сенатора Новосильцова, министра народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова и генерала Аракчеева; заключеніе ея, одобрившее всѣ предложенія Новосильцова, было высочайше утверждено 14-го августа 1824 года. По этому заключенію или приговору Мицкевичъ вмѣстѣ съ десятью другими товарищами филематами были откомандированы въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія для назначенія ихъ на мѣста учителей „въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ“, и съ этою цѣлью ректоръ университета, по требованію Новосильцова, сообщилъ нужныя свѣденія о способностяхъ и познаніяхъ каждаго изъ нихъ. О Мицкевичѣ сказалъ онъ, что „могъ бы обучать латинскому языку на нѣмецкомъ, французскомъ и россійскомъ діалектахъ; но по слабости здоровья желаетъ вступить въ такую казенную службу, въ которой бы менѣе, нежели въ учительскомъ званіи, требовалось напряженія ума“ ²⁾. Всѣмъ лицамъ этой категории предварительно приказано было представиться министру народнаго просвѣщенія и отправиться съ этою цѣлью въ Петербургъ. Мицкевичъ и товарищъ его Янъ Соболевскій 24-го октября получили отъ виленскаго полиціймейстера Шлыгова прогонныхъ денегъ 130 руб. 8 коп. ³⁾, и на слѣдующій день утромъ они уже были на пути къ сѣверной столицѣ.

Я намѣренъ посвятить въ будущемъ особую статью пребыванію Мицкевича въ Россіи и этотъ также періодъ его жизни лучше разяснить на основаніи новыхъ документальныхъ источниковъ, а пока признаю нужнымъ рассказать только одинъ эпизодъ изъ того времени, находящійся въ тѣсной связи съ событіями, которыя были мною переданы выше.

¹⁾ Отъ 13-го мая 1824 года, за № 839.

²⁾ Отношеніе ректора Твардовскаго къ Новосильцову отъ 19-го октября 1824 г. Рукопись.

³⁾ По собственноручной ихъ роспискѣ въ полученіи этихъ денегъ. Рукопись.

Мицкевичъ недолго проживалъ въ Петербургѣ: въ половинѣ февраля 1825 года онъ былъ уже въ Одессѣ, куда министръ назначилъ его учителемъ въ Рипшельевскую гимназію; когда, однако, здѣсь не оказалось вакантнаго мѣста, а съ другой стороны ему было приказано избрать мѣстомъ жительства другой городъ въ центрѣ имперіи, онъ отправился въ Москву въ концѣ ноября 1825 года, и вмѣстѣ съ Малевскимъ поступилъ чиновникомъ въ канцелярію московскаго военнаго генераль-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Хорошимъ поведеніемъ, трудолюбіемъ и усердіемъ по службѣ они вскорѣ заслужили себѣ вниманіе князя и были переименованы въ соотвѣтственные званіямъ ихъ классы. Лѣтомъ 1826 года они возымѣли намѣреніе просить объ отпускѣ на родину „для устройства семейственныхъ дѣлъ“. Голицынъ не рѣшился собственною властью выдать имъ отпускъ и 24-го августа 1826 года отнесся къ Новосильцову (тогда уже дѣйствительному тайному совѣтнику и попечителю виленскаго учебнаго округа) съ просьбою не оставить его отзывомъ насчетъ того, „могутъ ли Малевскій и Мицкевичъ, по прикосновенности ихъ къ дѣлу, относящемуся до безпорядковъ, въ виленскомъ университетѣ случившихся, быть уволены въ отпускъ“¹⁾. Новосильцовъ, „затрудняясь въ отвѣтѣ на этотъ отзывъ“, хотѣлъ въ свою очередь отнестись письменно къ великому князю Константину Павловичу, но кажется, что видѣвшись съ нимъ лично (онъ въ это время былъ въ Варшавѣ), получилъ указаніе просить объ этомъ мнѣнія Вацлава Пеликана, ректора виленскаго университета²⁾. Тотъ, принимая во вниманіе, что Малевскій и Мицкевичъ „были признаны дѣятельнѣйшими членами общества филоматовъ и филаретовъ“ (!), высказался, что „не слѣдовало бы такъ скоро удовлетворять ихъ желаніямъ въ дачѣ просимаго ими отпуска, тѣмъ болѣе, что по нахожденію въ Вильнѣ, какъ равно и въ другихъ мѣстахъ, многихъ членовъ бывшаго тайнаго общества филоматовъ и филаретовъ, появленіе Малевскаго и Мицкевича могло бы побудить къ дерзкимъ и несвойственнымъ заключеніямъ“; при этомъ онъ не оставилъ злонамѣренно замѣтить, что Малевскій и Мицкевичъ „слишкомъ скоро получили настоящіе чины“ и что они могутъ „вести себя хорошо въ Москвѣ, но при всемъ томъ здѣсь, гдѣ было гнѣздо всѣхъ ихъ зловред-

¹⁾ По неизвѣстному подлиннику, за № 4308.

²⁾ Въ черновомъ отношеніи Новосильцова отъ 23-го сентября 1826 года, за № 1474, зачеркнуты слова: „Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу“, и вмѣсто нихъ написано: „господину ректору виленскаго университета“.

ныхъ мечтаній и замысловъ, нельзя совершенно положиться на ихъ исправленіе“¹⁾. Новосильцовъ получилъ это донесеніе 4-го октября и написалъ на немъ карандашомъ: „отвѣтить согласно сему князю Голицыну“. Отвѣтъ состоялся, но (не знаю почему) уже только 9-го ноября того же года въ томъ смыслѣ, что „надлежало бы повременить еще съ оказаніемъ Малевскому и Мицкевичу испрашиваемаго ими снисхожденія“²⁾. Въ виду этого, князь Голицынъ не могъ, конечно, разрѣшить отпуска, и Мицкевичъ всю жизнь не увидѣлъ уже своей родной страны: онъ долженъ былъ довольствоваться только воспоминаніями о ней и воспроизведеніемъ красотъ ея въ собственной фантазіи и поэзіи. Ему самому лично, можетъ быть, этотъ отказъ былъ непріятенъ, но мы, кажется, ничего не потеряли; напротивъ, даже этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить прелестнѣйшія картины природы и страны, весь чудный колоритъ и теплое чувство любви, которыми проникнуто лучшее изъ твореній Мицкевича—поэма „Панъ Тадеушъ“.

Ө. Ф. ВЕРЖБОВСКІЙ.

¹⁾ Секретное донесеніе ректора Пейякана попечителю Новосильцову отъ 30-го сентября 1826 года, за № 1137. Подлинникъ.

²⁾ Черновое отношеніе Новосильцова князю Голицыну отъ 9-го ноября 1826 года, за № 1077.

R. 1791.

Lajarek - pos. p

F

8791.